

ЗАВИСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА

С. С. Логиновский

В статье рассматривается учение Иоанна Златоуста о зависти — весьма распространенной в эмпирически наблюдаемом обществе явлении. По мнению святителя, зависть — это греховная страсть, которая разрушает как личность своего носителя, так и общество в целом, приводит к всеобщей вражде и преступлениям. Поскольку зависть стала реальностью человеческого бытия лишь после грехопадения прародителей, постольку она не является естественным атрибутом социального бытия. Зависть (как и другие греховные страсти) может и должна быть устранена, что является необходимым условием появления гармоничного общества.

Ключевые слова: социальная мысль, христианство, патристика, отцы Церкви, Иоанн Златоуст, общество, страсть, зависть.

Г. Шек в своей работе «Зависть: теория социального поведения» замечает, что представители современных социальных наук уделяют мало внимания феномену зависти. В качестве показательного примера немецкий социолог указывает на фундаментальный труд Бернарда Берельсона и Гэри Э. Стейнера «Человеческое поведение. Сводка научных данных». На семистах страницах этой книги, посвященной рассмотрению самых разных категорий социального бытия человека, не нашлось места ни зависти, ни близким к ней феноменам. «Если бы, — резюмирует Г. Шек — **воображаемый инопланетянин изучал Homo Sapiens по этой книге, ему никогда не пришло бы в голову, что на Земле существует нечто подобное зависти**» [13, с. 153].

Для отцов Церкви, напротив, зависть является одной из важнейших категорий, необходимых для осмысления эмпирически наблюдаемой социальной действительности, обозначаемой словом «мир» (κόσμος). Это слово у новозаветных авторов и у святых отцов имеет несколько значений. В первом, самом широком значении «мир» эквивалентен тварному бытию. Вторая группа значений слова «мир» отсылает к совокупности людей, причем к совокупности, элементы которой взаимосвязаны, образуют определенную целостность: общество. Наконец, в третьем, аскетическом значении слово «мир» означает страсти, грех. Анализ контекста употребления слова «мир» святыми отцами позволяет утверждать, что все указанные значения если и не тождественны, то весьма близки: говоря о мире/тварном бытии и мире/обществе, отцы Церкви чаще всего имеют в виду тварное бытие и общество после грехопадения, когда они стали причастны греху.

Впрочем, отцы Церкви подчеркивают, что ни те или иные явления материального мира (в частности — общество), ни материальный мир в целом не являются злом. Злом является грех который проявляется в страсти, которая **«есть противоестественное движение души по направлению либо к неразумной любви, либо к неразборчивой ненависти, питаемой к кому-либо из-за чего-нибудь чувственного»** [11, с. 109]. Такое неправильное (с

точки зрения святых отцов) отношение к материальному миру (или отдельным его составляющим), чрезмерное внимание, уделяемое миру характерное для человека после грехопадения, когда он стал ветхим, «рабствующим греху». Такое неправильное (противоестественное) отношение (любовь или ненависть) к чему-либо «из-за чего-нибудь чувственного» святые отцы называют страстью.

Важность страстей для понимания социального бытия ветхого человека, по мнению отцов Церкви, определяется тем, что именно страсти являются первоосновой греховных действий. **«Грехи, — пишет авва Дорофей, — суть самые действия страстей, когда кто приводит их в исполнение на деле, т. е. совершает телом те дела, к которым побуждают его страсти, ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним»** [2, с. 31]. Впрочем, последнее случается редко: как замечает тот же авва Дорофей, греховная страсть практически всегда приводит к греховному действию, либо сама, либо посредством других страстей. По этой причине, отмечает Г. И. Шиманский, **«все характерные черты с понятия «грех» (греч. «амартия») переносятся на «страсть» (греч. «пафос») и у свв. отцов в их писаниях термин «грех» редко употребляется и очень часто «страсть»**» [14, с. 37].

От постоянного присутствия в душе и исполнения в действии страсти настолько сродняются с человеком, что становятся как бы ее врожденными, природными свойствами, хотя со святоотеческой точки зрения таковыми не являются. Именно поэтому анализ греховных страстей занимает важное место в святоотеческом осмыслении эмпирически наблюдаемой социальной действительности, «мира».

Необходимо подчеркнуть, что анализ общества с упором на страсти не следует воспринимать как разновидность психологического направления в социологии в духе Г. Тарда. По мнению святых отцов страсти не являются частью природы человека, они «заразили» ее после грехопадения, есть некая внешняя по отношению к человеку структура. Конечно, страсти не могут существовать самостоятельно.

Страсти существуют только так сказать «в» человеке, однако не являются его естественной «составляющей». Кроме того, хотя страсти в конкретном человеке приобретают определенный индивидуальный вид, все же они общи всем людям, имеют некий неизменный инвариант, который существенно не изменяется от своего индивидуального воплощения. Все это и позволяет говорить о страстях как об объективных признаках социального бытия, несводимых к индивидуальным психическим переживаниям индивида. Это в свою очередь объясняет, почему святоотеческое описание ветхого общества как страстного не является разновидностью психологической социологии.

С точки зрения святых отцов любая страсть имеет негативные социальные последствия, в конечном итоге всегда приводя к конфликту. Одной из самых опасных в указанном смысле греховных страстей является зависть, хотя ее обычно недооценивают. Более того, как замечает святитель Иоанн Златоуст, «ныне [то есть в IV веке — С. Л.] зависть не считают и пороком, почему и не заботятся избавиться от нее» [4, с. 432]. Современные же мыслители и вовсе нередко относят зависть к важнейшим элементам социальной жизни, утверждая что «без зависти социальные группы любого размера не могли бы существовать» [13, с. 133]. Зависть, по их мнению, выполняет важнейшую социальную функцию взаимного социального контроля и установления границ допустимого поведения. Святые отцы Церкви думают иначе. Выяснению их точки зрения по вопросу о влиянии зависти на социальное бытие (на примере творчества святителя (далее — свт.) Иоанна Златоуста (349—407)) — выдающегося мыслителя поздней античности по точному наблюдению Рудольфа Бредле «не оставляющего нас и по сей день» [1, с. 8] — и посвящена данная статья.

Константинопольский святитель считает, что зависть — «это гибельнейшая из всех страстей и вредит самому спасению нашему; это избрание самого дьявола. Потому и Премудрый говорит: завистью же дьявола смерть вошла в мир (Прем. Сол. 2, 24)» [3, с. 517]. Потерявший изначально чистоту дьявол, увидев чистоту и бессмертие первозданного человека, позавидовал ему, что и стало первопричиной всех его дальнейших действий, результатом которых стало грехопадение и смерть человека. «Итак, зависть произвела обольщение, обольщение — преступление, преступление — смерть. Потому сказано: завистью же дьявола смерть вошла в мир» [3, с. 517].

Опасность зависти, причем опасность социальная, хорошо видна из сравнения ее с другими страстями. Блудник, отмечает Златоуст, удовлетворяя свою страсть, делает это сравнительно недолго, получая при этом хотя бы «некоторое удовольствие», в то время как завистливый «мучит и терзает себя прежде того, кому завидует, и никогда не оставляет своего греха, но всегда остается в нем» [3, с. 431]. Бесперывность и неутолимость зависти отличают ее не только от плотских страстей (блуда, чревоугодия), но и от многих душевных страстей, что делает ее особенно опасным, деструктивным явлением. Златоуст считает даже, что зависть, в

определенном отношении хуже «корня всех зол» — сребролюбия, ибо «сребролюбец радуется тогда, когда сам получает, а завистливый радуется не тогда, когда сам получает, а когда не получает другой, считает благополучием для себя не собственное благодеяние, а несчастье других» [8, с. 312]. Поэтому, подчеркивает святитель, даже «блудники и мытари могли войти в царствие Божие, а завистники, находившиеся внутри его, выгнаны, по словам Спасителя: сынове царствия изгнаны будут (Мф. 8, 12). Первые, освободившись от своих пороков, получили то, чего никогда и не ожидали; последние лишились и тех благ, какие имели» [4, с. 432]. По мнению Златоуста, завистливый человек оказывается хуже самих бесов, ибо даже они не завидуют себе подобным.

Резюмируя рассуждения о превосходящей другие страсти опасности зависти (опасности, имеющей ярко выраженное социальное измерение) святитель замечает, что зависть «есть как бы общий враг человеческой природы и мучитель Христовых членов» [8, с. 312], то есть социального окружения завистника.

Таким образом, зависть изначально социальна: хотя в принципе не исключено такая степень одержимости человека, когда он завидует животным или даже неодушевленным предметам, все же в большинстве случаев человек завидует разумным существам, членам общества: другим людям, ангелам и даже Богу.

По мнению Златоуста, зависть является одним из важнейших признаков эмпирически наблюдаемого (ветхого) типа общества, объясняющего многие его не лучшие особенности. Именно зависть «наполнила вселенную бесчисленными бедствиями. От этой болезни судилища наполнены подсудимыми. От нее страсть к славе и стяжанию, от нее властолюбие и гордость. Отсюда на путях преступные разбойники, и на морях грабители. Отсюда убийства во вселенной; отсюда разделение нашего рода. Какое не увидишь зло, знай, что оно от зависти... Она породила сребролюбие. Эта болезнь извратила все и растлила правду. Угощения и подарки, сказано, ослепляют глаза мудрых и, как бы узда в устах, отвращает обличения (Сир. 20, 29). Она и свободных делает рабами... Мы бываем хуже зверей, грабим сирот, обираем вдовиц, обижаем бедных, прилагаем к горю горе» [5, с. 432]. Приведенные слова святителя позволяют утверждать, что в рамках его социальной философии анализ зависти, по сути, является анализом эмпирически наблюдаемого, ветхого типа общества, его оснований и отличительных черт.

Особая опасность зависти заключается в том, что она возникает не только в случае успехов других людей, но и в случае их неудач, то есть практически всегда. В первом случае зависть приводит к раздражению, гневу, ненависти, во втором — к радости, точнее, к злорадству. «Когда случится с ближним что-либо неприятное, — с горечью отмечает свт. Иоанн Златоуст, — тогда он [завистник — С. Л.] покоен и весел, почитая чужие несчастья своим счастьем, а благополучие других своим злополучием и ищет не того, что ему могло бы быть

приятно, но того, что ближнего может опечалить» [4, с. 431].

Более того, у ветхого человека зависть возникает даже без всякой объективной причины. В этом смысле показателен случай с Исааком и филистимлянами. Последние, увидев успехи праведника, потребовали, чтобы он ушел из их мест, *позавидевша бо ему* (Быт. 26, 14). Не избег зависти даже имеющий практически все царь: такова зависть — «не терпит благодушно счастья других; благоденствие ближнего считает за собственное несчастье, и изнывает, смотря на блага ближнего» [3, с. 557].

Радость завидующего несчастьям ближнего особенно ярко высвечивает ее иррациональный, страстный характер. В самом деле, гнев и ненависть к преуспевающему человеку может маскироваться некими объективными причинами: нехваткой чего-либо необходимого, в то время как преуспевающий имеет не только необходимое, но и нечто сверх необходимого. Получается, что завидующий стоит на страже социальной справедливости, хотя в действительности защита социальной справедливости лишь рационализация не одобряемой обществом зависти. Радость же возникающую относительно человека, попавшего в беду, невозможно замаскировать таким образом. Она не может иметь объективных причин и рационального оправдания. Эта обусловленность объективными причинами как нельзя лучше иллюстрирует страстную природу зависти: зависть (как и любая другая страсть) есть нечто неразумное, бессмысленное. «Такова зависть; она подвергшихся ей делает безумными, так что они даже не понимают, что говорят» [6, с. 147] и делают.

После сказанного неудивительно, что зависть рано или поздно приводит к совершению определенных социально значимых действий, нередко — преступлений, ибо «такова эта пагубная страсть: она не останавливается, пока увлеченного ею человека не низвергнет в бездну, пока не доведет его до греха — убийства, потому что корень убийства — зависть» [3, с. 578]. Именно зависть, как подчеркивает свт. Иоанн Златоуст, была главным побудительным мотивом убийства Каином своего брата Авеля. Святитель подчеркивает, что не только и не столько отвержение Богом жертвоприношения Каина, сколько то обстоятельство, что жертвоприношение Авеля было принято Богом, печалило Каина, порождало в его душе зависть к брату. Каин был весь «объят, так сказать, страстью зависти» [3, с. 165], что, в конечном итоге привело к убийству. Тот же механизм, подчеркивает святитель, действует и в случае с Исавом и Иаковом, с Давидом и Саулом и в бесчисленном количестве других случаев.

Даже если дело не доходит до преступлений, зависть, будучи по природе деструктивным явлением, разрушает единство общества, тем, что уничтожает любовь. Любовь же, по мнению Златоуста, есть главный фактор, обеспечивающий единство любого коллектива. Зависть является полной противоположностью любви. Поэтому в коллективе, состоящем из людей пораженных завистью, наблюдается неизбежное ослабление, извращение, а иногда и полное разрушение социальных связей, приводящее

к нарушению единства и гармонии коллектива, а в пределе — к его полной дезинтеграции.

Не менее важно, по мнению святителя, что зависть разрушает не только единство общества, но и личность самого завидующего. Зависть, «хотя бы предложили ей тысячу снедей, пожирает самую душу, со всех сторон ее грызет, терзает и рвет» [9, с. 703]. Чем больше и глубже человек охвачен завистью, тем менее он способен к созидательной деятельности, в том числе к самосовершенствованию. Как и на уровне общества, на уровне личности зависть приводит к дезинтеграции, к распаду.

Несмотря на всю очевидность пагубности зависти, Златоуст с горечью констатирует, что многие люди недооценивают ее, считают, что зависть не так опасна как другие страсти или даже вовсе не опасна. В контексте святоотеческой антропологии подобное восприятие зависти не является случайным. Ветхий человек, забыв Бога и райскую жизнь до грехопадения, привык к своему ветхому, плотскому состоянию, воспринимает его как неизбежное, естественное и нормальное. Поэтому свойственные ветхому человеку страсти, в том числе и зависть, начинают восприниматься как нечто естественное, и (в некоторых случаях) даже полезное. Для ветхого человека они действительно «естественны». Однако поскольку сам ветхий человек есть нечто неестественное, то все, что естественно ему для святых отцов является неестественным искажением созданного Богом по Своему образу человека.

То, что ветхие люди не придают особого значения зависти обусловлено и тем, что эта страсть как нельзя лучше отражает суть ветхого человека. Он, по меткому замечанию Г. В. Флоровского, характеризуется «эротической одержимостью собой, духовным нарциссизмом» [12, с. 204]. Соответственно все окружающее его — начиная с Бога и заканчивая другими людьми — ветхий человек воспринимает как нечто внешнее, чужое и даже враждебное.

Враждебность и зависть по отношению к другим людям как конкурентам обусловлена еще одной фундаментальной характеристикой ветхого человека — его тотальной ориентацией на земной материальный мир, стремление к обладанию по преимуществу или даже исключительно материальными предметами. «Подлинно, — восклицает Златоуст, — ничто не бывает столько причиной вражды и раздора, как любовь к настоящим [т.е. нынешним, земным — С. Л.] благам, пристрастие или к славе, или к богатству, или к удовольствиям» [7, с. 370]. В самом деле, рассуждает святитель, «если бы ты считал за ничто богатство и славу мира, то не завидовал бы тем, которые этим обладают» [10, с. 237].

Особенно важно, что это стремление к материальному не ограничивается необходимым для поддержания телесного существования, но намного превосходит естественные потребности, фактически не имея границ. В контексте святоотеческой антропологии подобная ситуация легко объяснима. Бесконечность желаний человеческого духа является его нормальной характеристикой. Человеческий дух специально был создан таким, ибо его задача — это устремляться к Богу. Поскольку Бог есть полнота всех благ, бесконечно превосходящая любую

мыслимую полноту, постольку и стремление к ней есть бесконечный процесс, каждый этап которого, впрочем, имеет и самостоятельную ценность. Материальные же ресурсы, как известно, ограничены. Поэтому неразумное безграничное стремление к ограниченным материальным благам, помноженное на эгоизм, приводит к возникновению зависти, а далее — вражде, борьбе (за материальные ресурсы), конфликтам, нередко достигающих устрашающих масштабов.

Тем не менее, Златоуст не считает, что любое наблюдение за успехами других людей пагубно. Он не против здорового «соревнования». Правильное наблюдение за успехами другого человека, желание не отставать от него и даже превзойти его в соревновании под названием «жизнь» может быть позитивным как для личности, так и для общества. Главное, подчеркивает святитель, **«соревнуй так, чтобы тебе сделаться подобным ему [преуспевающему в добродетели человеку — С. Л.] в доброй славе, не с тем, чтобы унижить его, но чтобы и тебе достигнуть той же высоты и явить такую же добродетель. Вот доброе соревнование: подражать, а не враждовать, не скорбеть о совершенствах другого, а сокрушаться о собственных недостатках»** [8, с. 313]. Отличие здорового соревнования от бессмысленной зависти очевидно: если зависть деструктивна как для личности завидующего, так и для его социального окружения, то соревнование созидательно, приводит к улучшению всех соревнующихся сторон, а значит и общества в целом.

При этом, по мнению Златоуста, принципиально важно в чем соревноваться, к чему стремиться. Стремиться, подчеркивает святитель, необходимо к истинным благам, то есть к добродетели, которая приводит к Богу — единственному подлинному Благу и Началу всех благ. Материальные же блага в собственном смысле этого слова благами не являются. Поскольку в земном бытии человека они необходимы им необходимо уделять некоторое внимание, но они ни в коем случае не должны становиться главной целью человеческой жизни. Напротив, материальные блага должны занимать соответствующие им второстепенные позиции, не выходя за рамки необходимого для поддержания жизни. Одним словом, необходимо **«собирать богатство небесное, и искать бедности, достойной одобрения [Бога — С. Л.]»** [8, с. 352]. Только в этом случае не будет причин для зависти, следовательно, не будет и ее самой.

Таким образом, по мысли святителя Иоанна Златоуста зависть — это весьма распространенная в эмпирически наблюдаемом обществе и опасная страсть. Зависть — это страсть, имеющая ярко выраженный социальный измерение. Она разрушает как личность своего носителя, так и общество в

целом, приводит к вражде и преступлениям. Став реальностью человеческого бытия лишь после грехопадения прародителей, зависть по мнению Златоуста не является естественным феноменом и поэтому может и должна быть устранена из личной и социальной жизни. На ее место должно прийти соревнование по стяжанию добродетелей, соревнование, в отличие от зависти предполагающее сотрудничество, взаимопомощь и радость успехам окружающих.

Литература и источники

1. Брендле, Р. Иоанн Златоуст. Проповедник, епископ, мученик / Р. Брендле ; пер. с нем. — М. : Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. — 208 с.
2. Дорофей, авва. Душеполезные поучения и послания / авва Дорофей. — М. : Лодья, 1999. — 276 с.
3. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на книгу Бытия / святитель Иоанн Златоуст. — М. : Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. — 903 с.
4. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на святого Матфея Евангелиста / святитель Иоанн Златоуст. — М. : Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. — 891 с.
5. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова / святитель Иоанн Златоуст. — М. : Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. — 987 с.
6. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Деяния апостольские. Беседы на Послание к Римлянам / святитель Иоанн Златоуст. — М. : Издательский отдел Московского Патриархата, 1994. — 859 с.
7. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Псалмы // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений : в 12 т. — Т. 5. — Кн. 1. — М. : Радонеж, 2005.
8. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Первое послание к Коринфянам / святитель Иоанн Златоуст // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений : в 12 т. — Т. 10. — Кн. 1. — М. : Радонеж, 2004.
9. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на Второе послание к Коринфянам / святитель Иоанн Златоуст // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений : в 12 т. — Т. 10. — Кн. 2. — М. : Радонеж, 2004.
10. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Послание к Ефесянам / святитель Иоанн Златоуст // Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений : в 12 т. — Т. 11. — Кн. 1. — М. : Радонеж, 2004.
11. Максим Исповедник, преп. Главы о любви // Максим Исповедник, преп. Творения : в 2 кн. — Кн. 1. — М. : Мартис, 1993.
12. Флоровский, Г. В. Ночная тьма // Г. В. Флоровский, Избранные богословские статьи. — М. : Пробел, 2000. — С. 201—209.
13. Шек, Г. Зависть: теория социального поведения / Г. Шек ; пер. с англ. В. Кошкина ; под ред. Ю. Кузнецова. — М. : ИРИСЭН, 2008. — 544 с.
14. Шиманский, Г. И. Учение святых отцов о страстях и добродетелях / Г. И. Шиманский. — М. : Издание Сретенского монастыря, 2007. — 672 с.

ЛОГИНОВСКИЙ Сергей Сергеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения, Челябинский государственный университет. Окончил исторический факультет Челябинского государственного педагогического университета (1999 г.). Научные интересы: религиозная философия, патристика, социальная философия. E-mail: 246abcd@mail.ru

Поступила в редакцию 23 августа 2014 г.

ENVY AS A CATEGORY OF SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT OF ST. JOHANNES CHRYSOSTOMUS

S. S. Loginovskiy, Chelabinsk State University, Cheliabinsk, Russian Federation,
246abcd@mail.ru

This article looks at St. John Chrysostom's teachings on envy — a quite common thing in the empiristically researched society. According to the Saint, envy — is the sinful passion, disrupting both the personality of the envier and the society on the whole, leading to common enmity and crime. As envy became common for the human being only after the Fall of our progenitors, it is not a natural social attribute. Envy may and must be removed, as other sinful passions, which is a necessary condition for a harmonious society.

Keywords: Christendom, Fathers of the Church, st. John Chrysostom, society, sinful passion, envy.

References

1. Brendle R. Ioann Zlatoust. Propovednik, episkop, muchenik [Brandle R. Johannes Chrysostomus. Bishop, reformer, martyr] / R. Brendle ; per. s nem. - M. : Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreja, 2008. - 208s.
2. Dorofej, avva. Dushepoleznye pouchenija i poslanija [Dorofei, avva. Lectures useful as a hobby and messages] / avva Dorofej. - M. : Lod'ja, 1999. - 276s.
3. Ioann Zlatoust, svt. Besedy na knigu Bytija [Johannes Chrysostomus, St. Conversations on the Genesis] / svjatitel' Ioann Zlatoust. - M. : Izdatel'skij otdel Moskovskogo Patriarhata, 1993. - 903s.
4. Ioann Zlatoust, svt. Tolkovanie na svjatogo Matfeja Evangelista [Johannes Chrysostomus, St. Interpretation on Saint Matfeja Evangelista] / svjatitel' Ioann Zlatoust. - M. : Izdatel'skij otdel Moskovskogo Patriarhata, 1993. - 891s.
5. Ioann Zlatoust, svt. Besedy na Evangelie ot Ioanna Bogoslova [Johannes Chrysostomus, St. Conversations on the Gospel from John the Evangelist] / svjatitel' Ioann Zlatoust. - M. : Izdatel'skij otdel Moskovskogo Patriarhata, 1993. - 987s.
6. Ioann Zlatoust, svt. Besedy na Dejanija apostol'skie. Besedy na Poslanie k Rimljanam [Johannes Chrysostomus, St. Conversations on Acts apostolic. Conversations on the Message to Romans] / svjatitel' Ioann Zlatoust. - M. : Izdatel'skij otdel Moskovskogo Patriarhata, 1993. - 859s.
7. Ioann Zlatoust, svt. Besedy na Psalmy [Johannes Chrysostomus, St. Conversations on Psalms] // Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij : v 12 t., T.5, kn.1. - M. : Radonezh, 2005.
8. Ioann Zlatoust, svt. Besedy na Pervoe poslanie k Korinfjanam [Johannes Chrysostomus, St. Conversations on the First message to Corinthians] // Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij : v 12 t., T.10, kn.1. - M. : Radonezh, 2004.
9. Ioann Zlatoust, svt. Tolkovanie na Vtoroe poslanie k Korinfjanam [Johannes Chrysostomus, St. Interpretation on the Second message to Corinthians] // Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij : v 12 t., T.10, kn.2. - M. : Radonezh, 2004.
10. Ioann Zlatoust, svt. Besedy na Poslanie k Efesjanam [Johannes Chrysostomus, St. Conversations on the Message to Efe-syanam] // Ioann Zlatoust, svt. Polnoe sobranie tvorenij : v 12 t., T.11, kn.1. - M. : Radonezh, 2004.
11. Maksim Ispovednik, prep. Glavy o ljubvi [Maxim the Confessor, St. Chapters about love] // Maksim Ispovednik, prep. Tvorenija : v 2 kn., kn.1. - M. : Martis, 1993.
12. Florovskij G.V. Nochnaja t'ma [Florovsky, G. V. Darkness of night] / G.V. Florovskij // Florovskij G.V. Izbrannye bog-oslovskie stat'i. - M. ; Probel, 2000. - s.201-209.
13. ShJok, G. Zavist': teorija social'nogo povedenija [Schoek, H. Envy: A theory of social behavior] / G. ShJok ; per. s angl. V. Koshkina pod red. Ju. Kuznecova. - M. : IRISJeN, 2008. - 544s.
14. Shimanskij, G.I. Uchenie svjatyh otcov o strastjah i dobrodeteljah [Shimansky, G. I. The doctrine of Holy Fathers about passions and virtues] / G.I. Shimanskij. - M. : Izdanie Sretenskogo monastyra, 2007. - 672s.

Received August 23, 2014